

Исторические аксиомы российского 1917 года

С. Т. БРЕЗКУН

2017 год – это год юбилеев двух революций: 100-летней годовщины Февральской буржуазно-демократической революции и 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Поскольку рамки статьи ограничены, постараюсь быть предельно интегральным, однако любой заявленный тезис готов развернуто аргументировать, начиная с тезиса о том, что абсолютно недопустимо объединять Февраль и Октябрь 1917 г. и говорить о некоей непрерывной единой Великой русской революции, подавая ее как нечто вроде Великой французской революции. Сегодня такой подход становится чуть ли не официальной установкой, однако он несостоятелен с любой точки зрения, кроме фальсификаторской. При этом несомненен национальный характер только Октября 1917 года. Февраль, напротив, совершался во имя не национальных интересов народов России, а в целях обеспечения интересов внешних заказчиков Февральского переворота.

Великая французская революция на всех своих этапах не выходила из буржуазных рамок политической революции. Она не отменяла частной собственности как инструмента эксплуатации неимущего большинства имущим меньшинством. Февральская буржуазная революция в России тоже была политической. Как единовременный акт ее готовили не подлинные вожди народа – большевики, а имущие верхи осознанно, а царизм неосознанно – своей бездарностью. Только потом нарастающая активность масс и прозорливость Ленина обеспечили совершение Октября – первой в мире успешной социальной революции.

«Гучковско-милюковский» Февраль 1917 г. готовился как инициированная извне совместная верхушечная акция российской и англосаксонской имущей элиты. Лишь гнилость старого режима и революционный напор масс обеспечили перерастание дворцового заговора в буржуазную революцию. В итоге ленинский Октябрь стал широким общенациональным движением народов России, подлинно народной революцией, спасающей Россию от политического раздробления и экономического подчинения Запа-

ду во главе с Америкой. Даже такой последовательный и убежденный ненавистник России, как Уинстон Черчилль, признавал, что именно большевики во всех регионах разваливающейся Российской империи, начиная с Украины, вели борьбу против отделения от России.

Февраль и Октябрь – антагонисты. Февраль затевали для элиты, Октябрь совершали для народа. Истинность этого тезиса оспаривали сто лет назад – в разгар событий, оспаривают через сто лет после событий, но оспаривают лишь те, кто или принадлежит к имущей элите, или обслуживает интересы этой элиты, все более обуреваемой необузданными вождельствами и все более отвратительной в своем противостоянии интересам народов.

Национальный характер Октября и изначально верхушечный, элитарный характер Февраля и его связь с интересами Антанты и США – это для компетентного историка сегодня историческая аксиома. Теоремой же является, например, вопрос о том, насколько образование параллель-

но с Временным правительством эсеров-меньшевистского Петросовета было тоже заранее согласовано элитариями России и Запада, с эсерами и меньшевиками, чтобы нейтрализовать влияние имевшихся в Питере большевиков. Не останавливаясь на данной теореме, просто укажу на нее.

Для достаточно полного и внятного описания всех значащих событий и всех аспектов 1917 г. в России – от начала второй русской революции в феврале 1917 г. до третьей русской революции в октябре 1917 г. – потребовался бы капитальный том. Да еще и не один. Моя же задача намного скромнее – в рамках журнальной статьи осветить лишь некоторые аспекты новейшей истории России, которая неотвратимо развивалась в сторону того или иного революционного взрыва, и которая взорвалась в 1917 г. сразу двумя революциями – в феврале (по новому стилю – в марте), и в октябре (по новому стилю – в ноябре).

Давно сказано, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они бы тоже оспаривались. Стоит ли удивляться, что оспариваются аксиомы исторические? А они есть, в том числе в истории двух русских революций 1917 г. Причем, во всех аспектах – философском, историческом, политическом,

культурологическом. И, конечно, эти политические и исторические аксиомы последние сто лет пытаются представить даже не теоремами, требующими доказательств, а вообще ложными посылками. Подобный подход иначе как провокационным и антиисторическим не назовешь.

Итальянский философ Пьеро Гобетти, молодым забитый насмерть чернорубашечниками Муссолини, высказал верную мысль: соломоново решение, безусловно, тенденциозно, если вся правда на одной стороне. Так, главной аксиомой Октября является то, что вся историческая правда – на его стороне. Это – не теорема, а аксиома. 1 марта 1920 г. Ленин на I Всероссийском съезде трудовых казаков, риторически обращаясь к эсерам и меньшевикам, в зале, естественно, уже отсутствовавшим, сказал: «Разве с февраля до октября 1917 г. вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали?».

Только тупая жадность тогдашней российской олигархии, ее подчиненное положение по отношению к финансово-промышленной олигархии Запада, вкупе с лакейством перед олигархией «социалистических» партий России – меньшевиков и эсеров, вынудили Ленина и большевиков форсировать события в октябре до немедленной социальной революции, которая одна могла удержать Россию от сползания в катастрофу.

Уже весной 1917 г. самым болезненным и острым оказывался вопрос о войне и мире, однако виделись и чисто внутренние опасности. 16(29) мая 1917 г. Ленин впервые публично поднял вопрос о грозящей России катастрофе. Буржуазные либералы всюю орали о торжестве свободы и светлых перспективах, а Ленин в статье «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания» писал: «Для капиталистов и для чиновников выгодно давать "безмерные обещания", отвлекая внимание народа от главного, именно от перехода действительного контроля в руки действительно рабочих».

Рабочие должны отменить прочь фразерство, обещания, декларации... Долой это лганье!.. Долой эту манеру класть дело под сукно! Рабочие должны требовать немедленного осуществления контроля на деле и притом обязательно через самих рабочих.

Это – главное для успеха дела, дела спасения от катастрофы. Раз этого нет, все остальное – обман. Раз это будет, мы вовсе не станем торопиться взять "100 процентов прибыли". Мы можем и должны быть умереннее, переходить постепенно к более справедливому обложению, мы отделим акционеров мелких и акционеров богатей, мы возьмем совсем мало с первых, мы возьмем очень много (но не обязательно все) только со вторых...»

Как видим, Ленин был весной 1917 г. вполне умерен. И когда он реально встал во главе России осенью 1917 г., Советская власть вначале так и поступила – умеренно, приняв Декрет о рабочем контроле. Всего лишь!

Только после того, как хозяева начали этот декрет массово саботировать или игнорировать, в 1918 г. началась повсеместная национализация промышленности, и стали выходить соответствующие декреты, причем каждый раз – по конкретным предприятиям. Если бы хозяев заботило сохранение и развитие «созданного ими» дела, а не сохранение личных прибылей, Ленин вполне был бы готов с ними сотрудничать даже весной 1918 г., а уж весной 1917 г. – тем более. Сотрудничать во имя честно понятого и желаемого всеми честными людьми национального и социального согласия. Ни Ленин не желал сотрудничать с буржуазной и чиновничьей элитой, а буржуазная и чиновничья элита не пожелала сотрудничать с Лениным. И это – тоже не мнение, а легко доказуемый исторический факт!

Ленин высказал в мае 1917 г. и еще одну верную мысль, вполне реализуемую весной 1917 г. при общем желании масс: «Число крупнейших акционеров ничтожно; роль их, как и общая сумма богатства у них, – громадна. Не боясь ошибиться, можно сказать, что если составить список пяти или даже трех тысяч (а может быть, даже и одной тысячи) самых богатых людей в России или проследить (при помощи контроля снизу, со стороны банковских, синдикатских и прочих служащих) все нити и все связи их финансового капитала, то откроется весь узел господства капитала, вся главная масса богатства, накопленного за счет чужого труда, все действительно важные корни "контроля" за общественным производством и распределением продуктов.

Вот этот контроль надо передать рабочим...».

Что здесь неверного? И что нереального было здесь для Временного правительства России, если оно, как уверяло, действовало в интересах народа? Знать – куда собирается потратить фа-

брикант свои деньги: на расширение производства и создание дополнительных рабочих мест, или на приобретение виллы в Ницце, и иметь возможность блокировать последний вариант, разве это не законное право тех, чьим трудом создается состояние фабриканта?

Весной 1917 г. Ленин был готов в рамках демократической республики отдавать крупному капиталу часть его прибылей на условии предоставления этим капиталом в распоряжение народа своего опыта по управлению экономикой России. И если бы не жадность капитала, Россия уже к лету 1917 г. под рукой Ленина могла бы, покончив с войной, перейти к экономическому и социальному строительству.

Конечно, и в такой виртуальной России Ленина – менее радикальной, чем реальная «Октябрьская», крупные капиталистические собственники перспектив не имели бы и были бы системно обречены. Однако их уход с исторической и экономической арены мог бы произойти без особых эксцессов и при сохранении ими части личных капиталов.

В апреле 1917 г. в «Правде» было опубликовано ленинское «Письмо из далека», написанное еще до приезда Ленина в Россию. Собственно,

Ленин написал четыре письма, однако опубликовано было в реальном масштабе времени лишь первое – в № 14 и 15 «Правды» от 21 и 22 марта (3 и 4 апреля нового стиля), причем со значительными сокращениями. В «Правде» тогда заправлял Каменев. Вернувшийся из сибирской ссылки Сталин тоже входил в состав редакции, но в первые дни еще не имел права решающего голоса, а Каменев с самого начала занял отнюдь не «твердокаменную» позицию, и решительность Ленина его смущала.

То, что Россия находится в состоянии тяжелого всестороннего кризиса, к началу 1917 г. было очевидно всем – и «слева», и «справа», и «низам», и «верхам». Российские элитарии вкупе с англосаксонскими элитариями видели выход из кризиса в смещении царя, что и было проделано. Но это подавалось как деяние спасительное для России и совершенное исключительно в интересах России. А Ленин все это разоблачил – тут же, сразу же после совершения российской элитой государственной измены.

Конечно, то, что элита изменила царю, Ленина трогало мало, а точнее – не трогало вовсе. Но то, что элита намерена править Россией уже без царя не в интересах народа, активно включившегося в революцию, а в интересах элиты и международного капитала, Ленин разоблачил со всей страстью великого гуманиста и со всей силой убийственной (для негодеев) ленинской логики.

Ниже дан отрывок из опубликованного в «Правде» весной 1917 г. первого ленинского «Письма из далека» с анализом сути Февраля 1917 г.

«...Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против "пораженчества" (на позициях которого стоял Ленин, – С.Б.), поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой монархии и начала революционного пожара.

Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, то связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России является фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки организации заговора против Николая Романова.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво смотреть

правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, слащаво-дипломатической ложью первой воюющей группы империалистов (Антанты, – С.Б.), ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы (Германии и Австро-Венгрии, – С.Б.). Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и "связями", давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом II, непосредственно организовали заговор вместе с октябристами (члены праволиберальной партии "Союз 17 октября" – в честь царского Манифеста от 17.10.1905 г., – С.Б.) и кадетами (партия крупной буржуазии, – С.Б.), вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова.

Не будем делать себе иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно "меньшевикам", "соглашение" рабочей партии с кадетами. Эти люди в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флер на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Ми-

люковыми с целью смещения "главного вояки" Николая Романова и замены его вояками более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так – по внешности, на первый поверхностный взгляд – радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно "дружно" слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные устремления. Именно заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя Гучковыми, Сирии французскими, Месопотамии английскими капиталистами и т. д. Это, с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии за свободу, за землю для крестьян, за мир, против империалистической бойни. Англо-французский империалистический капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть...

Это новое правительство, в котором <...> "трудовик" Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, – это правительство не случайное сборище лиц.

Это – представители нового класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно правит нашей страной экономически... Рядом с этим правительством, – в сущности, простым приказчиком миллиардных "фирм": "Англия и Франция", – возникло главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это – Совет рабочих депутатов в Питере...

Таково действительное политическое положение...

Царская монархия разбита, но еще не добыта... Кто говорит, что рабочие должны поддерживать новое правительство в интересах борьбы

с реакцией царизма, тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле именно это новое правительство уже связано по рукам и ногам империалистическим капиталом...

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев Милюкова и Керенского, не рабочие должны поддерживать новое правительство, а это правительство должно "поддержать" рабочих! Ибо единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Все остальное – фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хотя бы не мешайте этому делу – и свобода в России будет непобедима, монархия невозстановима, республика обеспечена...»

Блестящий, надо сказать, анализ! Как говорится, все пуговицы пришиты, кроме одной – «американской». Однако не надо забывать, что это было написано до вступления Америки в войну. Та же немецкая пресса, которая, в отличие от союзнической, не умалчивала о пикантных деталях российского Февраля, не очень-то задевала Соединенные Штаты, в надежде на их мирное посредничество. К тому же, в реальном масштабе времени Ленин не мог знать ни о масштабах внедрения капитала США в экономику России в ходе Первой мировой войны, ни об огромных тайных кредитах Уолл-стрита «союзникам».

Провокаторская роль США тщательно скрывалась, и даже такой выдающийся политический аналитик, как Владимир Ильич, не имел к весне 1917 г. достаточной информации для выявления этой подлой роли. Поэтому Ленин в марте 1917 г. и писал о связи Февраля 1917 г. лишь с миллиардными «фирмами» «Англия» и «Франция». В статье «Поворот в мировой политике», опубликованной в № 58 газеты «Социал-демократ» за 31 января 1917 г., Ленин, хотя и вскрывал заинтересованность США в военных прибылях, относил Америку вместе с Голландией, Швейцарией, Данией и другими к нейтральным странам и писал о «росте нейтрального пацифизма» – в том числе и Америки, объясняя этот лицемерный «пацифизм» тревогами

«американских миллиардеров и их младших братьев в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах» относительно того, что «народ может и не стерпеть до конца...». Но уже вскоре после прямого вхождения Соединенных Штатов в подготовленный ими же мировой конфликт, Ленин воздаст должное негативному участию в событиях в России и миллиардной «фирмы» под названием «Америка».

Напомню и о такой забытой аксиоме, как то, что только Ленин и ленинцы из всего II Интернационала остались верны Базельскому манифесту 1912 г., а Октябрьская революция была совершена в духе идей этого международного манифеста. Читателей, желающих знать об упомянутом документе более подробно, отсылаю к ресурсам Сети и ленинским работам.

То, что Ленин не стремился к единоличной власти, также является аксиомой. Это следует из того широко известного, но плохо осмысленного факта, что Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» тогда, когда абсолютное большинство в Советах принадлежало еще эсерам и меньшевикам. Он предлагал взять власть эсеро-меньшевистскому Первому съезду Советов в начале лета 1917 г. Если бы это произошло, то первым главой Советского государства стал бы

не Ленин, а первый председатель ВЦИК меньшевик Карло Чхеидзе. И Ленин был готов пойти на это во имя скорейшего перехода к стабильности и мирному строительству новой России.

Аксиоматично также, что цели Октябрьской революции были исключительно созидательными. Разрушалась лишь политическая надстройка, но не материальный и культурный базис. И сразу же ставились как очередные задачи Советской власти – задачи мирного строительства. Лишь один пример – 17 мая 1918 г., за две недели до мятежа белочехов, Ленин подписал Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане. Для честного аналитика достаточно знакомства с одним этим документом для того, чтобы посмеяться над баснями о: 1) Ленине – якобы фанатике мировой революции, 2) Ленине – якобы русофобе, ненавидевшем Россию, и 3) Ленине – организаторе и инициаторе якобы позарез необходимой ему гражданской войны...

Национальный характер Советской власти проявился и в том, что подавляющая часть ученых России в естественных и прикладных сферах знания остались в России и работали на Советскую власть. Исключения составляют несколько десятков имен против нескольких тысяч только крупных оставшихся специалистов.

Аксиомой является и то, что Антанте и США стабилизация ситуации в пределах бывшей Российской империи не требовалась. Наоборот, «союзникам» России были выгодны дестабилизация, разбалансировка, разруха, развал, распад... Сильная, единая и неделимая Россия была Западу попросту опасна – в любом формате, а тем более – в советском социалистическом.

Вопрос же продолжения участия России в войне был к 1918 г. для Антанты и США третьестепенным. Ленин в начале 1918 г. прямо запрашивал союзников, готовы ли они всемерно поддержать Советскую Россию, если она продолжит сопротивление Германии. Союзники отказали. Это – замалчиваемый, но факт! И суть отказа понятна. Сильная Россия – угроза планам любого мирового господства... А расчлененная, лишенная периферийных национальных регионов Россия – это лакомый кусок для любого рода эксплуатации, начиная с сырьевой. И отсюда вытекает еще одна аксиома 1917 г. Дестабилизация в России была выгодна Антанте и особенно Америке, к которой переходила ведущая роль в мире. Обеспечить дестабилизацию могло лишь масштабное, кровавое, разрушительное военное противостояние в пределах России. Вот США и

сыграли не просто выдающуюся, но ведущую роль в организации этого противостояния в виде «гражданской» войны, которая была на деле лишь одним из элементов «гибридной» войны, которую Америка вкупе с Антантой развязала против Советской России. Избранный президентом США в 1912 г. Вудро Вильсон сразу видел будущую Россию «демократической, прозападной и открытой американским инвестициям».

Причем первым значащим актом иностранной интервенции следует считать даже не английский десант в Мурманске, а тот мятеж чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г., без которого масштабных военных действий на территории России просто не было бы – все ограничилось бы рядом кулацких мятежей и операциями типа советизации Кавказа. Что же до мятежа белочехов, то это была, фактически, интервенционистская акция Франции, ибо с января 1918 г. корпус считался соединением французской армии.

Из всей совокупности фактов и вытекает аксиома о том, что в 1918–1920 гг. на территории России велась не гражданская война, а отечественная освободительная война народов России против иностранных оккупантов и их белых марionеток – Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, а также якобы националистических правителей Кавказа, Средней Азии, Прибалтики.

Сегодня налицо тенденция как-то примирить белых и красных. А это вещи несовместимые ни в историческом плане, ни в свете наших сегодняшних проблем. Примириться с белыми можно лишь на условиях признания всей полноты вины белых за гражданскую войну и за их сотрудничество с оккупантами на всех фронтах этой войны. Сегодня аксиоматически ясно, что если бы не Октябрьская Революция, ни о какой единой России, не говоря уже о России могучей и суверенной, речи быть не могло бы. Альтернативой Октябрю была национальная катастрофа, хаос, пошедшая вразнос страна, или полумарионеточная диктатура корниловского типа, а в итоге – все равно катастрофа.

Уже сто лет на Октябрь 1917 г., на Ленина и партию большевиков выливаются ушаты грязи. А ведь российский Октябрь 1917 г., безусловно, главное историческое деяние не только XX века, но и вообще всей мировой истории. Выпускник Гарварда, американский журналист Джон Рид приехал в Россию в 1917 г. всего лишь как хроникер бурно развивающихся событий, а в результате был увлечен ими, стал их активным

участником, членом Исполнительного комитета ленинского Коммунистического интернационала. В 1920 г. Рид умер от тифа и был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. А в марте 1919 г. он опубликовал в США книгу с «культовым», как сейчас принято говорить, названием: «10 дней, которые потрясли мир». И она выдержала в течение года три издания. Тогда мир очень чутко прислушивался к пульсу России и понимал, что судьбы народов решаются там – в Петрограде, в Москве, на русских равнинах... Сейчас об этом не очень-то хотят вспоминать, но есть ведь и объективная реальность, и она заключается в том (желает того кто-то, или не желает), что 100-летний юбилей Октября принадлежит не столько даже настоящему, сколько будущему России и мира.

Сегодня Запад, США и их внутренняя агентура ведут Россию к новым грозным временам. Збигнев Бжезинский – выдающийся «кадр» «холодной войны», давно заявил в своей книге «The Grand Chess-board: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives» («Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические императивы»): «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России».

Да, Америка по-прежнему работает против России – России великой, единой и неделимой, России – извечной собирательницы народов вокруг великорусского ядра триединого русского народа, России, идущей от Киевской Руси с градусом Киевом – «матерью городов русских», России, новейшее могущество которой было заложено ее народами под руководством Ленина и Сталина в Октябре 1917 г. Не поняв верно этого момента в его полной ретроспективе, мы не сможем увидеть во всей полноте возможные перспективы России как обнадеживающие, так и удручающие. Впрочем, лично автор рассчитывает все же на умное, свободное, обильное и великое будущее нашей Родины.

Джон Рид

БРЭКУН Сергей Тарасович –
член-корреспондент Академии геополитических
проблем